вторник 8 декабря 2009 года
http://magmetall.ru

Служение духовности

Чем значительней человек, тем труднее рассказать о нем

Николай Рябов. «Доменщики Магнитки», 1979

Николай Рябов. «Новогодняя ярмарка», 1979

БЬЕШЬСЯ над тем, что выделить в нем, – и обнаруживаешь многозначность. Тут нельзя не растеряться. И происходит это непроизвольно. И ты надолго останавливаешь себя.

Простота и достоинство

Еще в шестидесятых годах прошлого века мне мечталось написать о художнике Николае свет Петровиче Рябове. Примусь-примусь и заробею: как бы не опрокудиться. И теперь, когда я, казалось бы, научился побарывать творческие страхи, с молодой робостью подступаю к миру Николая Рябова.

Сегодняшнее, так называемое новое время, вероломно подкосило сложившиеся в тысячелетиях свойства человеческой личности. Что сразу воспринималось в местной среде художников, склонных к замкнутости, уязвленности, осторожности, заносчивости, даже гордыне, – простота, не соскальзывавшая у Николая Петровича к простоватости. Имела тогда хождение в Магнитке поговорка: «Простота хуже воровства». Но в ней, однако, присутствовало обережение от посягательства на твою открытость.

Николай Рябов был прост, но защищен от выпадов, и тем более нападок, уверенным достоинством. И не просто он был прост: оборонял простоту и, пожалуй, культивировал ее. Как-то захожу в Художественный фонд – он помещался на углу проспекта Металлургов, напротив горного института. Жаркая говорильня, кому-то устраивают выволочку. Приглядеся. Группа живописцев, склоняясь полукольцом, жучит не знакомого мне паренька-коротышку, угрюмо склонившего лобастую голову. Паренек сидел на стуле, за его спинкой стоял сосредоточенный Николай Рябов. Фамилия живописца Антонов. В ответ на поучения, припахивавшие разносом для устрашения, Антонов стойко молчал: так проявляется смелая убежденность.

Зато, едва остановились нападающие, заговорил Николай Рябов. Он не берется оспаривать – Рябов применил глагол «оспаривать» с пушкинским оттенком – своих опытных коллег, но он против снижения планки творческих оценок, которые зачастую возникают на советах. И он не удивлен критикой, привезенной Антоновым из училища: там наверняка процветает требовательность, ориентированная на общесоюзные и, не исключено, мировые достижения. И мы, не скрою, участвуем в наращивании таких достижений, чему есть подтверждение в публикациях на вкладах журнала «Огонек» живописных работ нашего товарища Виктора Суворова. Успех Суворова он выводит из требовательности его учителя Григория Яковлевича Соловьева, который первым начал изображать нашу металлургическую землю, оставив Москву, где шире обзор художественных достижений и больше возможностей для совершенствования и продвижения к известности.

Если бы сам Виктор Антонов оказался бы для нас котом в мешке... А то ведь он предложил на выставку пейзаж исключительной свежести по стилю, хотя и традиционному классически, но одновременно отмеченный заметной непохожестью, определяемой как индивидуальность. Его пейзаж «Лодки» с виду локален: отрезок реки, берега, лодки, несколько гусей, мостки, мальчик, стоящий с удочкой в одной из причаленных лодок. Пейзаж локален и вместе с тем пространственен. Река отражает свет неба. Солнце еще не взошло в небо, отраженное в реке. Оно же выделило черноту берега и темных тяжелых лодок. Мальчик на корме лодки крохотный, а настолько заметен, он тоже темен, что при несоразмерности с землей и водой знаменательно выделяется взором: залюбовался до оцепенения небом, продолжающим хранить очарование вселенной. При контрастности берега и реки не возникает мысли о примитивной подаче утреннего состояния. Контраст, как он написан, передает пространственность без самого пространства и тишину. Тишина ведь не предметна, не вещественна, а неопровержимо наличествует. И нет возможности ее объяснить. Незримое порождает впечатление слышимой тишины.

Из Художественного фонда мы ушли втроем: захватили с собой Виктора Антонова. В тот раз я узнал, что он магнитогорец из бедной семьи. Кормилица-мать, он и младший брат пока что иждивенцы.

После выставки я купил «Лодки» Виктора Антонова за три тысячи пятьсот рублей. Ежели учесть, что в ту пору средний заработок инженера-металлурга был сто двадцать рублей, я выручил молодого живописца, чем и заслужил искреннюю признательность Николая Петровича, кто всенепременно радовался за него и, поддерживая собрата по цеху из года в год, никогда не завидовал его успехам, его самооткрытиям и обычно брал под защиту с доверием. И как бы ни поступал Виктор, не терял надежды на его восхождение к лучшему и в творчестве, и в личном поведении.

Долг платежом красен

При занятости, при добрых отношениях, мы довольствуемся сиюминутными вещами, а потому не вникаем в судьбы друг друга: они устраивают нас даже внезнанием. И вдруг узнаем то, чего и не предполагали. В раннем детстве, оказалось, Рябов и я обитали под одной крышей в деревне Ершовке. Внезапно мой тезка об этом узнал, навестив в Сибае своего отца. Каким-то образом они разговорились обо мне, и Рябов-старший поведал сыну историю знакомства с моим отцом, Павлом Анисимовичем, или тогда, скорей всего, Пантелеем. Моего отца, ремонтного рабочего станции Золотая Сопка, партийца, зачислили в число двадцатипятитысячников, направляемых в деревню для ее укрепления и руководства ею, и назначили уполномоченным сельпо – сельским потребительским обществом, плюс магазин-кооператив общества.

Сколько мы стояли у Рябовых на квартире, не ведаю. После, сдается, жили в Браиловке, оттуда переехали в Кизил, где моего отца избрали председателем колхоза. О том, что произошло без нас, я не знал: Рябовых раскулачили. И мой отец – как ему это удавалось, загадка? – взял Петра Рябова к себе в правление колхоза главным бухгалтером.

Сегодняшнее время вероломно подкосило свойства личности

Поначалу в Кизиле наше существование запомнилось мне как обеспеченное. Мама заведовала детским садиком. О детсадовцах правление заботилось исключительно, и мама, по возможности, помогала многосемейным нуждающимся соседям. За прием в детский садик детей подкулачников отец и его правление лишили маму работы.

Партийные власти – Уралобком прежде всего, хотя и станица не оставалась без урожаев – выгребали и выкачивали все возможное. Население Кизила пухло, вымирало. Начали пухнуть и мы с мамой. Тревога, что и мы скоро умрем, вынудила напомнить мужу и отцу о смертельной угрозе, придвинувшейся к нам. Он уже высох от недоеданий, тревог, противодействия властям и сказал на мамины слова, что и мы умрем, что особых условий для нас не может создать. Мама знала о раскулаченном и спасенном от высылки Рябове, а потому тайком обратилась к нему за помощью: второе ведь лицо в правлении. Рябов выписал нам по литру молока и по сто двадцать пять граммов муки, чем мы спасались от бегства на Магнитку, где жил в рубленой двухэтажке на первом участке старший брат мамы Александр Иванович Коновалов.

Для того времени была доблестная необычайность в поступке моего отца, взявшего на работу кулака Рябова. А также – в поступке Рябова, спасшего нас от голодной смерти. Что же касается моего отца, я остаюсь вне суда над ним: он был насквозь самопожертвенным коммунистом...

Художникам, по моим наблюдениям, присуща однолинейность. Кто-то пейзажист, а кто-то портретист, кому-то дается жанр, а кому-то историческая тематика, что в советской живописи встречалось довольно редко... Рябова одолевало разнообразие, ибо он был диковинно редким поисковиком. Он умел крупно находить себя, однако не везде его ожидали достижения. Среди художников я мало встречал читателей, даже графики с уклоном в оформительство редко бывали книгочеями. Таким я запомнил московского многостороннего художника Михаила Захарьевича Рудакова. Таковым памятен мне Николай Петрович Рябов. И склонялся он своей любознательностью к читающим художникам: Виктору Суворову, Виктору Антонову, Юрию Лисачкину. К молодым художникам редкого дарования, как Лисачкин и Антонов, склонялся он своим интересом еще и с педагогической потребностью спасительного характера. Антонов попирал, и Рябов делал все, чтобы Виктор не губил свой талант, крупно обозначивший в нем скульптора и пастелиста, что порой удавалось ему. Но, увы, алкоголь всепобедителен. Исключения до трагичности редки. Рано водкопитие и всякое мерзкопитие угробило творца с задатками колосса, хотя и низенького ростом.

Спасти Рябову не удалось и Юрия Лисачкина. В школе Лисачкин получал двойки по рисованию. Гибель его отца летчика породила в нем художника, даже осенила гением. Созданный трагедией он постепенно ушел в трагедию. Трагедийность отца, казалось бы, должна была предотвратить трагедию сына. Тут явно высказала себя русскость: всепрощенческая забывчивость.

...Я приехал на Магнитку к маме. Я скучал о ней и зазывал в столицу, где занимался проблемами больной жены – Тани, Татьяны Петровны, священной Танаакин. Но мама не покидала Магнитку. Она объясняла собственную неподвижность фигурально: прикипела к месту. Целыми днями, озабоченный и ее здоровьем, я находился при маме.

По договоренности Рябов зашел за мной, и мы направились к Лисачкину; он обретался поблизости в том же доме по Октябрьской, где жили мои друзья Турусовы: Анна писательница, домохозяйка, Владимир – один из заместителей директора металлургического комбината. В квартирную дверь Лисачкина Николай Петрович произвел тайные стуки. Не подавая голоса. Меня он предупредил: около двери – молчок, иначе хозяин не отворится. Подождали на лестничной площадке, однако были впущены. В прихожке толпился душный запах самогона. Юрий Михайлович Лисачкин – уютное лицо, его красота затенена бледностью. Предложил первач. Отгоняющим рывком ладони Николай Петрович не согласился с предложением. Настроенный на чумовой лад, Лисачкин не захотел показывать работы. Согласились повременить: кое-что ему желалось окончить.

До новой, особой встречи я узнал от Рябова и других творческих людей еще кое-что и занес это в дневник: «... художник с веянием гения, судьба которого оказалась как бы запаянной в ампулу: двадцать лет он работает как художник и двадцать лет находится в вынужденном затворе. Затвор поневоле, похоже – свойство огромного количества талантов. Его выставку, развешанную в театре «Буратино», запретили горкомовцы и представитель органов. Человек не пил до этого, а теперь пьет. Глубоко больно за его судьбу, и за свою судьбу бывает больно: мое творчество, в лучших вещах, истреблялось, как истреблялись реки, почвы, небо России... А его-то творчество, Лисачкина, оказалось запаянным на нет».

Мое же: «...если газета – придаток экономики и политики, бездуховность неизменно нарастает».

Мои надписи на томах «Избранного» Юрию Лисачкину: «А ведь Вас можно назвать связным двух эпох Возрождения: той, знаменитой, и нынешней»; на втором томе: «Красота Ваших работ полнится нашим Уралом, Магниткой, как, впрочем, смею так думать, и моих работ красотой!»

В ту пору и занимался портретами, а Виктор Антонов – скульптурными, оригинальными, горельефными и барельефными. Эти портреты приблизили его к заказу мededобывающего города Сибая. Там он поставил в парке скульптуры полновесные – во весь рост. Я их не видел, но по отзыву Рябова знаю, что они производят хорошее впечатление.

Ограничитель поиска

И раньше, и тогда сам Николай Рябов увлекался писанием портретов, перемежая их натюрмортами, пейзажами. Позже он создал серию портретов знаменитых композиторов. Несколько раз для осуществления серии он приезжал ко мне в Москву, куда я переехал из Калуги. Теперь композиторский цикл – это уже историческая коллекция, находящаяся в магнитогорском музыкальном училище. Склонение к портретам трех этих замечательных художников я отношу к взаимовлиянию. Однако взаимовлияние чуждалось подражательства.

Люди неустанного творческого поиска всегда восхищали меня. И вдруг неустанность поиска у Рябова произросла во мне огорчением. После впечатляющих портретов, созданных в традиционной русской классике манере, он взялся писать плоскостные портреты. В них была эстетическая привлекательность, и все-таки мной угадывалась его слабина: в них он не сумеет раскрыть свой талант. Есть, есть в сем поиске необъяснимый ограничитель. Не без растерянности, не без вкрадчивости я высказал Николаю Петровичу субъективное сомнение. Но Рябов не отступился от новой для себя изобразительности. Он достиг, пожалуй, высшей подачи в двух работах: «Голова девушки» и «Женский потрет». На них и остановился, чем я был до странности удовлетворен: мне они нравились. Парадоксальность, не самая верная из оттенков и все же не лишенная суеверия, она надежна.

Портрет Щеголева. Строитель домен, маршальская зоркость глаз, неотразимо грозная требовательность исключительного порядка. Такими зоркими вблизи я видел глаза маршала Георгия Жукова, произнесшего тост в доме у Бажовых в честь моей морозоустойчивости. Строитель домен. Теплая, с толстым козырьком кепка. Угловатость лица в сомкнутых бровях, в скулах, в губах, в подбородке. При белой рубашке, в галстуке. Не просто строитель: инженер, технический специалист великанского характера. Подспудно воспринимаешь его природное могущество русского человека, укрепленное созидательностью. В нем отразилась значительность эпохи домен, без чугуна которых не обходились механизмы, агрегаты, машины страны и не выплавлялась сталь, еще необходимей в хозяйстве и производстве страны, чем он.

Строитель домен и всех сооружений, обеспечивающих их плавки, не мог ошибаться и попустительствовать даже малейшим ошибкам и просчетам, Щеголев знает, что и как сооружать. Но знает и о том, что за всеми доменными делами нужен глаз да глаз. Он руководит возведением домен для их непрерывных деяний в годах.

Щеголев не просто строитель домен, он – созидатель рукотворного величия. Кто наблюдал домны издали или вглядывался в них рядом, непроизвольно проникался этим рукотворным величьем.

Если когда-либо возникнет мысль об установлении памятника черной металлургии, чего она давно заслуживает, то он должен быть эллинистически-громадным и с обликом рябовского строителя до Щеголева.

Каменщица «Магнитстроя» Зоя Синицкая. Весь ее образ – женский блеск знойного дня. Загар притемнил ее лицо, но он же выделил громадность ее широких глаз, вобравших и усталость, и улыбку, и затаенность трудовой мудрости. Она проста, безобманна, олицетворяет материнство и способность к труду, без которого нет спасительных условий для людей и всех, кто им сопутствует. Она не претендует на особое внимание к своему подвижническому труду, а ведь вкалывает и в жар, и в холод. Ее невознагражденность от скромности, от бескорыстия, от крестьянской многотерпельности, принесенной в город.

Пацанишкой, когда рыбачил на Урале, я впервые наблюдал женщин-каменщиц, занятых кирпичными работами на десятой насосной, позже качавшей воду из артезианского озера в Магнитогорск и на металлургический комбинат. И потом на просторах нашего Отечества я видел каменщиц в их изнурительном труде и всегда испытывал уважение к их внутренней сосредоточенности, к женственности, которой они не утрачивали, зачастую одетых бедно и скучавших по своему стесненному жилью.

Есть, есть в Зое Синицкой рябовская патетика женскому всемению в труде, без которого нет бытейского существования и довольства.

Закройщица Люба Акатова. Царственная девушка из простонародья. Царственную ее красоту оберег бы просвещенный православный царевич. Или ученый юноша, наделенный нежной добротой и ласковой чуткостью. Наблюдения за судьбами подруг печалят: красота в опасности, страшно быть красивой. Почему природа так неотступна, необорима? Во всем сейчас, в девичестве, воля твоя. И вдруг подчинение чьей-то воле? Оно настораживает разрушительностью. Опасен даже тот, кто мил. Как тебе уклониться от страсти, а также суметь ею управлять? Ждешь, ждешь. Чего ожидать? Расчетливость пагубна. Красота драгоценней, замысел мира выше золотого! Красота – достояние нации , расы, человечества.

Николай Рябов изобразил Любу Акатову исходя из достоинств ее самой и старозаветного мужского представления о девушке. Сколько ни любуйся – не налюбуешься. Люба Акатова не отпускает сладостностью взора, безгреховностью. Нравственность девушки и ее художника равнозначна им обоим.

Горновой Василий Наумкин. Он трудился в огне по пояс. Такой тяжкой специальности, кроме шахтерской, почти нет на земле. В аварийных обстоятельствах можно и погибнуть, но он чужд боязни. Он рискованно бесстрашен. И целиком соответствует державному званию героя. Он знаменитость, и этим не обольщается. Его изображают и в слове, и в красках, и в мраморе. У Николая Рябова он угрюм от усталости, износа титанических сил, от дум о том, что нужность его труда слишком надолго задержалась. Пора бы технике заменить такой труд: совершенствованию подверглись многие адские специальности и агрегаты.

По портретам можно воскрешать эпоху. Когда обдумывал отдельные портретные обретения художников Николая Рябова, Виктора Антонова, Юрия Лисачкина, мне вспоминались портреты Ивана Аргунова, Алексея Венецианова, Василия Тропинина, Павла Федотова, Николая Ярошенко, Кузьмы Петрова-Водкина, Михаила Нестерова, Виктора Попкова...

НИКОЛАЙ ВОРОНОВ,
член Союза писателей России,
академик Академии литературы РФ

Адрес редакции:
455038, г. Магнитогорск,
пр. Ленина, 124/1,
тел. (3519) 35-95-66,
отдел рекламы: 35-65-53.

Учредитель – открытое акционерное общество «Магнитогорский металлургический комбинат» (455002, г. Магнитогорск, ул. Кирова, 93).

Газета зарегистрирована в управлении Федеральной службы по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия по Челябинской области. ПИ № ТУ 74-00052 от 29 августа 2008 г.

Главный редактор ФРОЛОВ О. В.

Выпускающий редактор РУХМАЛЕВ С. А.

При воспроизведении материалов «ММ» в печатном, электронном или ином виде ссылка на «Магнитогорский металл» обязательна.
Ответственность за программу телевидения, прогноз погоды редакция не несет.
За достоверность фактов и сведений ответственность несут авторы публикаций и рекламодатели.
Авторы публикаций выражают исключительно собственную точку зрения, которая может не совпадать с мнением редакции, издателя и учредителя.
Письма и рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Подписано в печать 7.12.2009 в 19.00.
Заказ № 4360. Тираж 79074.
Объем 4 печатных листа. Печать офсетная.
Подписной индекс 24106.
Отпечатано ЗАО «Магнитогорский Дом печати» (455000, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69).
Тираж сертифицирован Национальной тиражной службой.